

УДК 82:7. К. Жанабаев¹, Н. Сагындык²

Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, e-mail: ovlur1963@mail.ru

¹к. ф. н. доцент
²к. ф. н. доцент
г. Алматы,

О меритократии в поэзии жырау XV-XVIII веков

В настоящей статье говорится о меритократии – ведущем принципе эпического стиля героических певцов жырау, поэзия которых занимала доминирующее положение в XV-XVIII веках. Меритократия – власть знающих, посвященных. Она, по мнению авторов статьи, восходит к истокам древнего знания, к шаманизму, обнаруживая свои свойства в возвышенном характере эпического стиля, в магической семантике и символике, в формально-стилевых особенностях текста, в его структуре и композиции, восходящим к «праформе» солярного обряда и ритуала, поэтому как от исследователя, так и от переводчика требуется особое внимание к структурно-семантической природе поэтического текста жырау XV-XVIII веков.

Принцип меритократии придает поэтической речи жырау особую «строгость» и философскую глубину, формирует его величественную творческую манеру, «регулирует» его жанровый репертуар, организуя практически безупречную систему изобразительно-художественных средств и в целом – всю поэтическую систему, по всем своим признакам вполне отличную от поэтических систем других носителей тюркской устной традиции. Жанрово-стилистическая природа репертуара жырау находится в единстве с их высоким политическим статусом, с их государственной и общественной ролью в ханском совете, а их речи становятся "правилом" и "канон" для слушателей.

Эти поэтические речи тесно связаны с обрядовым действием, т.е. внешним, бытийным, внефольклорным планом. На первый план выходит не развлекательная, не созерцательная, как у акынов, салов и серэ, а действенная, предельно важная для общественного мнения и исторической минуты, речь, обладающая, к тому же, безупречными художественными достоинствами. И формально-стилевые, и художественные элементы – многоуровневые звенья единой и целостной поэтической системы – обусловлены внутренней, взаимозависимой, взаимосвязанной организацией и целенаправленной функцией. Но героическому эпосу, у истоков которого стоят жырау предшествовала долгая и богатая история формирования обрядово-лирических жанров, что такие их виды, как коштасу (прощания), арнау (посвящения), мактау (восхваления), каргыс (проклятия), бата (благопожелания) и другие, – в значительной мере подготовили почву для возникновения, роста и расцвета *эпоса*, и лишь только с этапом *вычленения* и *дальнейшей* культурной *специализации* героический певец – *в условиях военной демократии* – воплотил по-своему, в соответствии со своими меритократическими целями, социальными задачами, идеологическими установками бытовавшие до него в живой народной лирической стихии жанры.

Ключевые слова: меритократия, военная демократия, эпический стиль, структурно-семантическая организация текста, жанровый репертуар, поэтическая система, формально-стилевые компоненты, поэтическая система, обрядово-лирическая поэзия, героический эпос.

Важной чертой эпического стиля поэзии жырау мы считаем меритократию – этический принцип певца, возглавляющего ханский совет, власть «знающих». Этот принцип проявляется в возвышенности эпического стиля. И величественность, и важность речи певца подчинены этому принципу. Само же высказывание жырау полно магической семантики, символики, а в его стихотворном строе «скрыты» сакральные коды и криптофоны (тайные звуковые криптограммы). Такая своеобразная поэтическая речь в своих истоках восходит, как убедительно показал Е.Д. Турсунов, к глубинным истокам «священного знания», к шаманизму. Поэтому формально-стилевые элементы тюркского стиха: однородные стилистические блоки, эпические клише, различные повторы, формульные обороты, анафора, монорим, параллелизмы, аллитерация, ассонанс, – ясно подтверждают суггестивную природу текста жырау.

В нем, как показывает анализ, в усеченном виде мы можем усмотреть и модель мира. Здесь также обнаруживаем вертикальные, горизонтальные, кольцевые, зеркальные, винтовые и более сложные – концентрические композиции, – восходящие к «праформе» солярного обряда и ритуала,

поэтому структурно-семантический аспект организации текста певца XV-XVIII веков требует наибольшего внимания как исследователя, так и художественного переводчика.

Безусловно, принцип меритократии придает произведениям жырау особую «строгость» и философскую глубину, формирует его величественную творческую манеру, «регулирует» его жанровый репертуар, организуя практически безупречную систему изобразительно-художественных средств и в целом – всю поэтическую систему, вполне отличную от поэтических систем других носителей тюркской устной традиции. Жанрово-стилистическая природа их репертуара обретает единство с их высоким политическим статусом, с их государственной и общественной ролью в ханском совете, а их речи становятся "правилом" и "канон" для слушателей. Эти поэтические речи изначально тесно связаны с обрядовым действием, т.е. "внешним, бытийным, внефольклорным планом". На первый план выходит не развлекательная, не созерцательная, как у акынов, салов и серэ, а действенная, предельно важная для общественного мнения и исторической минуты, речь, обладающая, к тому же, безупречными художественными достоинствами. И формально-стилевые, и художественные элементы – многоуровневые звенья единой и целостной поэтической системы, – все обусловлено внутренней, взаимозависимой, взаимосвязанной организацией и целенаправленной функцией. "Функции - отмечает В.Н. Путилов, - не просто "роли", но определенные типы связей и зависимостей, это связи фольклорных структур с внефольклорными структурами, приобретающими для них самих структурный характер" [1, 18].

При всей "строгости" стиля лиро-эпическая поэзия жырау чрезвычайно богата в жанровом плане. Здесь встречаются, восходящие к древнему фольклору, пышные восхваления (мақтау), величественные посвящения (арнау), грозные проклятья (қарғыс), грустные прощания (қоштасу), трогательные завещания (өсиет), страстные призывы к сражению (үндеу), «вещие» прорицания (болжау), иносказательные песни о смерти (естірту), и печальные песни прощания с умершим (жоқтау), а также – быстрый, высокого эмоционального накала, речетатив (терме) и другие жанры. И все же самым «излюбленным жанром у жырау являются толгау» – короткие по форме философские суждения в стихотворного порядка [2, 7]. Они составляют основной жанровый состав героического певца XV-XVIII веков.

Исследователь Б. Абылкасимов пишет, что некоторые фольклористы соотносят этот возвышенный лиро-эпический жанр толгау даже с жанром оды [3, 12] в древнегреческой, русской и мировой литературе. И, исходя из обширного анализа кипчакоязычной древней поэзии, сам он подразделяет эти толгау на героико-патриотические и назидательно-дидактические [4, 18].

Как показывают наблюдения, такая классификация жанра отражает особенности культурно-исторического развития эпохи, повлекшей за собой и неизбежное изменение его меритократической природы: эстетических, этических принципов на протяжении трех веков, с XV века по XVIII.

Например, почти все толгау Асана Кайгы: «Бұл заманда не ғаріп?..», «Көлде жүрген қоныр қаз..», «Есті көрсе кем деме..», «Еділ бол да, Жайық бол..» и другие, – имеют строгий, назидательно-дидактический характер, а многочисленные толгау Доспамбета, Ахтамберды, Умбетей, Бухара, хотя и являются источником дидактики, нравоучений, наставлений, полны древних героико-патриотических мотивов, героико-романтических образов и идей. Это существенное различие между певцами объясняется *эволюцией* жанра, и в тесной связи с этим процессом – пусть медленным, но и изменением стиля и поэтической системы героического певца, в целом – трансформацией его художественно-эстетических и меритократических принципов. Так, изменение исторической действительности, начиная с XV века и до XVIII века, повлекло за собой и изменение тем, идей, мотивов и образов. В этом со всей очевидностью нас убеждает и феномен могучей поэзии Махамбета первой половины XIX века.

Согласно методологии Е.Д.Турсунова, представленной в монографии "Возникновение акынов, жырау, салов и сери" [5, 267], каждый из носителей казахской устно-поэтической традиции обладает присущим лишь ему как типу социальным статусом, а отсюда и – жанровым репертуаром. По мнению ученого, оды в честь умерших воинов на погребальных церемониях, которые величественно исполнял героический певец, стали впоследствии сюжетным ядром, важным структурным элементом в сложении сказания [6, 240]. Так мы знаем, что жырау стоят у истоков эпоса: как архаического, связанного с похоронным обрядом, ритуальным повествованием о герое, восходящим к солярному культу, так и – классического, воспевающего подвиг героя на заре национальной истории и государственности. Основу этой торжественной героической оды составляют мактау (хвалебные песни) и арнау. Более поздним жанром нам представляется жоқтау, получивший большое распространение в новое время как результат длительного процесса демифологизации и дегероизации древней оды, но сохранивший и до нашей эпохи отголоски культа предков.

Свое мнение о репертуаре казахских жырау высказала и известный фольклорист Н.С. Смирнова. Указав на то, что "поэтический дар казахских жырау имел утилитарно прикладное, а не только идейно-эстетическое значение: жырау прорицали, наставляли и воодушевляли войско в поход", – ученый выделяет в их репертуаре *две основные* преобладающие формы. "Первая - импровизация дидактического содержания, неписанная мудрость, обращение к каждому, рассчитанное на многие поколения воспитуемых. Вторая - импровизация на случай, имеющая непосредственный повод и адресата" [7, 15]. У жырау XV-XVIII веков наиболее часто используемой формой исследовательница считает первую, восходящую к фольклорным и дидактическим жанрам: пословицам, поговоркам, терме, (поучениям) накыл-сөз, (ораторским высказываниям) шешендік-сөз, композиционно и стихотворно организованным принципом параллелизма. Здесь, как видим, исследовательница ушла от осмысления меритократической природы эпоса.

Более близок к идее формирования жанрового репертуара жырау в связи с меритократическими истоками М.О. Ауэзов [8, 170]. Сюжетной основой, например, классической героической или социально-бытовой поэмы в том виде, как они дошли до нас, автор считает сочетание бытовых песен различных жанров с самостоятельными сюжетами. Ссылаясь на такое мнение исследователя, О. Нурмагамбетова цитирует: "Первый костяк будущей поэмы образуют ... песни прощания при расставании с богатырем, "Отправлявшимся в поход ("костасу"), свадебные песни во время его женитьбы и в *особенности* песни-плачи ("жоктау") *об умершем богатыре...*" [9, 18]

Учитывая это мнение и самый процесс создания героическим певцом хвалебной песни на тризнах по умершему герою, прежде отмеченный Е. Турсуновым, мы получаем довольно обширный комплекс жанрового репертуара жырау со своей неповторимой творческой манерой, стилистикой и поэтикой и с особыми обрядовыми функциями, ритуальной этикой и эстетикой, восходящими к меритократии.

Таким образом, героическому эпосу, у истоков которого стоят жырау предшествовала долгая и богатая история обрядово-лирических жанров, что такие их виды, как коштасу (прощания), арнау (посвящения), мақтау (восхваления), карғыс (проклятия), бата (благопожелания) и другие, – в значительной мере подготовили почву для возникновения, роста и расцвета *эпоса*, и лишь только с этапом *вычленения* и *дальнейшей* культурной *специализации* героический певец – *в условиях военной демократии* – воплотил по-своему, в соответствии со своими целями, задачами, установками и со своим социально-политическим статусом и идеологией, бытовавшие до него в народной лирической стихии и в поэзии акынов жанры. Вот почему М. Магауин считает жырау "наиболее древним типом акына" [10, 7].

Таким образом, точка зрения Е.Д. Турсунова на репертуар жырау подтверждается концепцией М.О. Ауэзова о составе песен народно-обрядовой лирики в формировании эпоса.

Если же говорить об акынах, то и акын, также имеет свою древнюю генетическую историю, но в своеобразных, присущих лишь ему как типу, социальных формах и жанрах, представляя не менее интересного носителя устной поэтической традиции. По мнению Е. Турсунова и М. Магауина, он является более древним, чем жырау, который выделился и сформировался лишь в период "военной демократии". Акыны, – пишет Турсунов – творили уже в ту эпоху, "когда фольклор знали все", то есть когда фольклор был собственностью каждого рода, племени и всего народа. Отсюда более широк и разнообразен их репертуар, включающий многочисленные наставления – бытовые, хозяйственные, этические, ведущими мотивами которых являются преимущественно родовые, семейно-родовые связи, а наиболее частыми образами – родичи, предки, в то время, как в поэзии жырау – хан, весь казахский народ, общенародный герой. Особенности акыньских толгау являются то, что они чаще всего повествуют о личном возрасте, и своей

старости, об утешении и скорби. Е.Д. Турсунов также отмечает, что акыны, в отличие от жырау, участвовали в айтысах (от имени родов) и знали эпические хроники родов – шежире [11, 116]. Исследование жанрового состава жырау показывает существенное различие этих двух представителей древней устно-поэтической культуры.

Но и сами художественные миры каждого из жырау, несмотря на «строгие» меритократические начала, и их поэтические системы так же отличны, и исследователю героической поэзии, и переводчику необходимо знать специфику и эволюцию их жанровой системы: перед ним явление индивидуальной поэзии, где каждый из жырау, хоть и решает важные общественные и государственные задачи, все же живет своим собственным миром, своими чувствами, своими переживаниями, передает в песне свои впечатления, свой гнев и радость. В импровизациях различных жырау может звучать одна и та же тема, могут встречаться одни и те же образы, одни и те же героико-патриотические мотивы, но исследователю и художественному переводчику нужно «уметь услышать» индивидуальное звучание заветов, наставлений, призывов, их различную степень возвышенности, эмоциональности, воодушевления и т.д.

Литература

- 1 Путилов В.Н. В кн.: Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. – стр.18.
- 2 Магауин М. Поэзия казахского кочевья. В кн: Поэты Казахстана. Л.: Советский писатель, 1978. – 7 с.
- 3 Абылкасимов Б.Ш. Жанр толгау в казахской устной поэзии. Алматы, 1984. – 12 с.
- 4 Абылкасимов Б.Ш. Жанр толгау в казахской устной поэзии. Алматы, 1984. – 18 с.
- 5 Турсунов Е.Д. Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау. – Астана: Фолиант, 1999. – 267 с.
- 6 Турсунов Е.Д. Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау. – Астана: Фолиант, 1999. – 240 с.
- 7 Смирнова Н.С. Устная индивидуальная поэзия акынов и жырау. В кн. История казахской литературы в 3-х тт. - Т. I. - Алма-Ата, 1968. – 15 с.
- 8 М.О. Ауэзов, Л.Соболев. Эпос и фольклор казахского народа, - 170 с.
- 9 Нурмагамбетова О.А. Кобланды батыр. Казахский героический эпос. - М. 1975. - С. 18.
- 10 Магауин М. Поэзия казахского кочевья. В кн: Поэты Казахстана. Л.: Советский писатель, 1978. – 7 с.
- 11 Турсунов Е.Д. Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау. – Астана: Фолиант, 1999. – 116 с.